

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ПУШКИНА.

Въ русской мысли и литературѣ господствуетъ какое то странное, частью пренебрежительное, частью равнодушное отношеніе къ духовному содержанію поэзіи и мысли Пушкина. На это указалъ уже почти 40 лѣтъ тому назадъ Мережковскій, объ этомъ твердилъ М. О. Гершензонъ, и это приходится повторить и теперь. Міросозерцаніе величайшаго русскаго поэта и «умнѣйшаго человѣка Россіи» (выраженіе Николая I), каждая строка и каждый день жизни котораго изслѣдованы учеными пушкиновѣдами, остается и до сихъ поръ почти не изученнымъ и мало извѣстнымъ большинству русскихъ людей. Не касаясь здѣсь этой въ высшей степени важной общей темы, мы хотимъ остановиться на *религиозномъ сознаніи* Пушкина. Изъ всѣхъ вопросовъ «пушкиновѣдѣнія» эта тема менѣе всего изучена; она, можно сказать, почти еще не ставилась (*).

*) Въ огромной литературѣ «пушкиновѣдѣнія» сколько нибудь серьезныхъ специальныхъ произведеній по этому вопросу, насколько мнѣ извѣстно, не существуетъ. Въ «Пушкинскомъ сборникѣ памяти Венгерова» (М. 1922) есть статья Е. Кислицыной: «Къ вопросу объ отношеніи Пушкина къ религіи» — ученическая — добросовѣстная, но весьма поверхностная работа. Авторъ приходитъ къ выводу объ отсутствіи у Пушкина серьезныхъ религиозныхъ убѣжденій. Къ тому же выводу, на основаніи очень спорныхъ соображеній, склоняется В. Вересаевъ въ статьѣ «Автобіографичность Пушкина» (Печать и революція 1925, кн. 5-6). Валерій Брюсовъ, который вообще смотритъ на Пушкина (по своему соб-

Между тѣмъ, это есть тема величайшей важности не только для почитателей Пушкина: это есть въ извѣстномъ смыслѣ проблема русскаго національнаго самосознанія. Ибо геній — и въ первую очередь геній — поэта — есть всегда самое яркое и показательное выраженіе народной души въ ея субстанціональной первоосновѣ. Можно прямо сказать: если бы имѣло основаніе обычное пренебрежительное и равнодушное отношеніе къ этой темѣ, — въ основѣ котораго, очевидно, сознательно или безсознательно лежитъ ощущеніе, что у Пушкина нельзя найти сколько нибудь яркаго, глубокаго и своеобразнаго религіознаго чувства и міроощущенія — то было бы поставлено подъ серьезное сомнѣніе само убѣжденіе въ религіозной одаренности русскаго народа.

Въ дѣйствительности, однако, это господствующее отношеніе, каковы бы ни были его причины, совершенно неосновательно. Въ безмѣрно богатомъ и глубокомъ содержаніи духовнаго міра Пушкина религіозное чувство и сознаніе играетъ первостепенную роль. Не пытаюсь здѣсь исчерпать этой темы, я хотѣлъ бы схематически намѣтить нѣкоторые основные мотивы, въ ней содержащіеся.

Во избѣжаніе недоразумѣній, я съ самаго начала хотѣлъ бы подчеркнуть, что предлагаемый краткій очеркъ посвященъ изслѣдованію религіозной мысли или религіознаго *содержанія* духовной жизни и творчества Пушкина и не касается общаго *религіознаго духа* его поэзіи. Это — очень существенное ограниченіе. Пушкинъ есть, конечно, прежде всего — поэтъ, какъ обыкновенно

ственному подобію) какъ на чистаго «мастера» искусства стихотворства, естественно приходитъ къ заключенію, что похристіански-религіознымъ стихамъ Пушкина такъ же мало можно судить объ его личномъ міросозерцаніи, какъ по его обработкамъ античныхъ мотивовъ. (Пушкинъ. Сборн. II Пушкинской Комиссіи М. 1925).

говорится, «чистый поэт». Но «чистый поэт», вопреки обычному мнѣнію, есть не существо, лишенное духовнаго содержанія и чарующее насъ только «сладкими звуками», а духъ, который свое основное жизнечувствіе, свою интуитивную мудрость перѣдаетъ въ нѣкой особой поэтической формѣ. Изслѣдованіе религіознаго духа поэзиі Пушкина во всей его глубинѣ и въ его истинномъ своеобразіи требовало бы эстетическаго анализа его поэзиі — анализа, который былъ бы «формальнымъ» въ томъ смыслѣ, что направлялся бы на поэтическую форму, но который выходилъ бы далеко за предѣлы того, что обычно именуется «формальной критикой». Отъ этой большой и важной задачи, для осуществленія которой доселѣ въ русской критической литературѣ даны развѣ только первые наброски, мы здѣсь сознательно уклоняемся. Въ этомъ отношеніи достаточно здѣсь программатически намѣтить, что поэтическій духъ Пушкина всецѣло стоитъ подъ знакомъ религіознаго начала *преображенія* и притомъ въ типично русской его формѣ сочетающей религіозное просвѣщеніе съ простотой, трезвостью, смиреннымъ и любовнымъ благоволеніемъ ко всему живому, какъ творенію и образу Божію.

Но Пушкинъ — не только геніальный поэтъ, но и великій русскій мудрецъ; надѣмся, сейчасъ уже не нужно специально доказывать это положеніе. Изъ писемъ, дневниковъ, статей, достоверно переданныхъ намъ устныхъ высказываній Пушкина выступаетъ съ полной отчетливостью его умъ, поражавшій его современниковъ — умъ пронизательный, трезвый и свѣжій, какъ бы его «прозаическое сознаніе», присущее ему наряду съ сознаниемъ «поэтическимъ» (*). Эти трезвые,

*) Ср. его слова въ письмѣ къ Бестужеву (1825): «Мой милый, ты — поэтъ и я — поэтъ, но я сужу *болѣе прозаически*» и чуть ли отъ этого не правъ».

прозаическія мысли, этотъ запасъ «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ» Пушкинъ вноситъ, какъ извѣстно, и въ свою поэзію, которая насыщена мыслями, вопреки его собственному утвержденію, что «поэзія должна быть глуповатой». Эти мысли, выраженные въ прозѣ и въ поэзіи, какъ и непосредственныя духовныя интуиціи, выраженные въ поэзіи Пушкина, образуютъ то, что можно назвать духовнымъ *содержаніемъ* творчества Пушкина въ узкомъ смыслѣ слова; и въ этомъ духовномъ содержаніи мы находимъ богатыя данныя для познанія религіозности Пушкина.

И еще одно методологическое указаніе. Пушкинъ былъ истинно русской «широкой натурой» въ томъ смыслѣ, что въ немъ уживались крайности; едва ли не до самаго конца жизни онъ сочеталъ въ себѣ буйность, разумъ, неистовство съ умудренностью и просвѣтленностью. Въ эпохи «безумныхъ лѣтъ» первой юности (1817-20) мы имѣемъ автобіографическія признанія въ стихотвореніяхъ «Деревня» и «Возрожденіе», говорящія объ освобожденіи отъ «суетныхъ оковъ», о «творческихъ думахъ», зрѣющихъ «въ душевной глубинѣ», о чистыхъ «видѣніяхъ», скрытыхъ подъ «заблужденіями измученной души».

Въ самую буйную эпоху жизни Пушкина въ Кишиневѣ возникаетъ автобіографическое посланіе къ Чаадаеву, свидѣтельствующее о почти монашеской отрѣшенности и тихой умудренности внутренней духовной жизни. И въ самые послѣдніе дни своей жизни, въ состояніи бѣшенства и изступленія отъ оскорбленія, нанесеннаго его чести, Пушкинъ по свидѣтельству Плетнева, былъ «въ какомъ то высоко-религіозномъ настроеніи»: «онъ говорилъ о судьбахъ Промысла, выше всего ставилъ въ человѣкѣ качество благоволенія ко всѣмъ». Онъ жаждалъ убить своего обидчика Дан-

теса, ставилъ условіемъ дуэли: «чѣмъ кровавѣе, тѣмъ лучше», и на смертномъ одрѣ примирился съ нимъ, требовалъ отъ Дантеса отказа отъ мщенія и умеръ въ состояніи духовнаго просвѣтленія, потрясшаго всѣхъ очевидцевъ. Но мало того, что въ Пушкинѣ уживались эти двѣ крайности. Въ немъ былъ, кромѣ того, какой то чисто русскій задоръ цинизма, типично русская форма цѣломудрія и духовной стыдливости, скрывающая чистѣйшія и глубочайшія переживанія подъ маской напускнаго озорства. Пушкинъ — говоритъ его біографъ Бартенсъ — не только не заботился о томъ, чтобы устранить противорѣчіе между нисшимъ и высшимъ началами своей души, но «напротивъ, прикидывался буяномъ, развратникомъ, какимъ-то яростнымъ вольнодумцемъ». И Бартеневъ мѣтко называетъ это состояніе души «*юродствомъ поэта*». Несомнѣнно автобіографическое значеніе имѣетъ замѣчаніе Пушкина о «притворной личинѣ порочности» у Байрона. Совершенно безспорно, что именно выраженіемъ этого юродства являются многочисленныя кощунства Пушкина (относящіяся, впрочемъ, только къ эпохѣ примѣрно до 1825 г. — позднѣе они прекращаются) — «въ томъ числѣ и пресловутая «Гавриліада». Что это такъ, это явствуетъ уже изъ того, что «Гавриліада» есть кощунство не только надъ вѣрованіями христіанства, но и надъ любовью, тогда какъ лучшій истинный Пушкинъ признавался что въ теченіе всей своей жизни не могъ «на красоту взирать безъ *умиленья*».

Къ этому надо еще присоединить, что въ известной мѣрѣ кощунства молодого Пушкина, явственно были протестомъ правдивой, духовно трезвой души поэта противъ поверхностной и лицемѣрной моды на мистицизмъ высшихъ круговъ тогдашняго времени (Въ «Посланіи къ Горчакову» 1819 Пушкинъ сатирически поминаетъ «Лаисъ бла-

гочестивыхъ», «святыхъ невѣждъ, почетныхъ под-
лецовъ и мистика придворнаго кривлянья», ср.
также эпиграммы на Голицына, Фотія и Стурдду).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что «кощунства»
Пушкина вообще не должны итти въ счетъ при
опредѣленіи его подлиннаго серьезнаго образа
мыслей и чувствъ въ отношеніи религіи. Съ дру-
гой стороны, мы имѣемъ всѣ основанія при уясне-
ніи религіозности Пушкина принимать въ раз-
счетъ, какъ автобіографическій матеріаль, всѣ
серьезныя произведенія поэзіи Пушкина. Пушкинъ
какъ справедливо указалъ Гершензонъ, былъ су-
ществомъ необычайно правдивымъ и въ своемъ
поэтическомъ творчествѣ, онъ просто не могъ ни-
чего «выдумывать», чего онъ не зналъ по собствен-
ному духовному опыту; художественная способ-
ность «перевоплощенія», сочувственнаго изобра-
женія чужихъ духовныхъ состояній основана у
него именно на широтѣ его собственного духовна-
го опыта. Такъ, подражанія корану, «Пѣснѣ пѣс-
ней», отрывокъ «Юдифь», образы средневѣковой
заказной религіозности и образы русской рели-
гіозности Пушкина представляются просто немыс-
лимыми внѣ сочувственнаго *религіознаго* воспрія-
тія и переживанія этихъ темъ. Споръ объ «автобіо-
графичности» поэзіи Пушкина (*) запутанъ и за-
веденъ въ тупикъ поверхностнымъ и примитив-
нымъ представленіемъ о смыслѣ «автобіографично-
сти» какъ у ея сторонниковъ, такъ и у ея против-
никовъ. Поэзія Пушкина, конечно, не есть безу-
коризненно точный и достаточный источникъ для
внѣшней біографіи поэта, которою доселѣ болѣе
всего интересовались пушкиновѣды; въ против-
номъ случаѣ пришло бы отрицать не болѣе и
не менѣе, какъ наличие поэтическаго творчества

*) Ср. упомянутую выше статью Вересаева, направленную
противъ Гершензона и Ходасевича.

у Пушкина. Но она вмѣстѣ съ тѣмъ есть вполне автентичное свидѣтельство содержания его духовной жизни; къ тому же для преобладающаго большинства духовныхъ мотивовъ поэзіи Пушкина можно найти подтверждающія ихъ мѣста изъ автобіографическихъ признаній и собственныхъ (прозаическихъ) мыслей Пушкина.

* * *

Извѣстно, что въ дѣтствѣ и ранней юности Пушкинъ воспитался подъ вліяніемъ французской литературы 18-го вѣка и раздѣлялъ его общее міровозрѣніе. «Фернейскій злой крикунъ», «сѣдой шалунъ» Вольтеръ для него не только «поэтъ въ поэтахъ первый», но и «единственный старикъ», который «вездѣ великъ». («Городокъ» 1814). Среда, въ которой вращался Пушкинъ въ то время — въ лицейскую эпоху и въ Петербургѣ до своей высылки — поскольку вообще имѣла «міровозрѣніе», также была проникнута настроеніемъ просвѣтительскаго эпикуреизма въ духѣ французской литературы 18-го вѣка. Врядъ ли, однако, и въ то время духъ этотъ сколько нибудь серьезно и глубоко опредѣлялъ идеи Пушкина. Ему уже тогда противорѣчили нѣкоторыя основныя тенденціи, опредѣляющія собственный духовный складъ Пушкина — доселѣ, кажется, недостаточно учитываемыя его біографами. Мы насчитаемъ *три* такія основныя тенденціи: склонность къ трагическому жизнеощущенію, религіозное воспріятіе красоты и художественнаго творчества и стремленіе къ тайной, скрытой отъ людей духовной умудренности. Коснемся вкратцѣ cadaго изъ этихъ мотивовъ.

«Уныньемъ», «хандрой», «безнадежностью», чувствомъ тоски — словомъ, трагическимъ міроощущеніемъ полно большинство серьезныхъ лириче-

скихъ стихотвореній уже лицейской эпохи. «Дышать уныньемъ — мой удѣлъ», «моя стезя печальна и темна» «вся жизнь моя — печальный мракъ ненастья», «душа полна невольной грустной думой», и ты со мной, о лира, приуныла, наперсница души моей больной, твоей струны печалень звонъ глухой, и лишь тоски ты голосъ не забыла», «мнѣ въ унылой жизни нѣтъ отрады тайныхъ наслажденій», «съ минутъ безчувственныхъ рожденья до нѣжныхъ юношества лѣтъ я все не знаю наслажденья, и счастья въ томномъ сердцѣ нѣтъ» — можно было бы исписать десятки страницъ подобными цитатами изъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина; и было бы непростительно поверхностно видѣть въ нихъ только литературный приѣмъ и отраженіе моды времени — хотя бы уже потому, что по существу эти настроенія сопровождаютъ всю жизнь Пушкина и выражены въ самыхъ глубокихъ и оригинальныхъ увѣреніяхъ его зрѣлой лирики (ср. хотя его классическую элегію 1830 г.: «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье»). Истинно русская стихія унынія, тоски и трагизма (свою связь въ этомъ жизнеощущеніи съ національно-русской стихіей Пушкинъ самъ ясно сознавалъ: «отъ ямщика до перваго поэта, мы всѣ поемъ уныло» — сказалъ онъ позднѣе) — это необходимое преддверіе къ религіозному пробужденію души — было и въ юномъ Пушкинѣ сильнѣе поверхностной жизнерадостности французскаго просвѣтительства.

Въ томъ же направленіи дѣйствовало, очевидно, въ немъ и первое религіозное откровеніе, данное ему отъ самаго рожденія: религіозное воспріятіе поэзіи и поэтическаго вдохновенія. Вездѣ, гдѣ Пушкинъ говоритъ о поэзіи, онъ употребляетъ религіозные термины, и было бы опять таки непростительной поверхностностью видѣть въ этомъ лишь банальную условность терминологіи, общепринятую *façon de parler*. Если въ концѣ

своей жизни, въ своемъ поэтическомъ завѣщаніи («Памятникъ») Пушкинъ говоритъ: «велѣнью Божію, о муза, будь послушна», если божественное призваніе поэзіи было всегда такъ сказать, основнымъ догматомъ вѣры Пушкина, то это настроеніе несомнѣнно проникаетъ его съ ранней юности. Не только въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ о первомъ пробужденіи поэтического вдохновенія, о томъ, какъ муза впервые стала являться ему «въ таинственныхъ долинахъ, весной, при кликахъ лебединыхъ, близъ водъ сіявшихъ въ тишигѣ», — но и въ раннихъ юношескихъ стихотвореніяхъ отчетливо выражено это религіозное воспріятіе поэзіи. Въ особенности ясно это высказано въ двухъ посланіяхъ къ Жуковскому, первому и единственному его учителю въ поэзіи (1818). Такія слова, какъ:

Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ и *молнійной струей*
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съєднаясь, въ *восторгахъ пламенѣла*.

или глава о томъ, какъ поэтъ стремится «къ мечтательному міру» «возвышенной душой», «и быстрый холодъ вдохновенья власы подъемлетъ на челѣ», и какъ онъ тогда творитъ «для немногихъ» «священной истины друзей» — не оставляютъ сомнѣнія въ яркости и глубинѣ чисто религіознаго воспріятія красоты и поэтического творчества. Но этотъ духовный опытъ долженъ былъ уже рано привести Пушкина къ ощущенію ложности «просвѣтительства» и рационалистическаго атеизма. И если позднѣе, въ зрѣлые годы, Пушкинъ утверждалъ, что «ничто не могло быть противоположнѣе поэзіи, какъ та философія, которой 18-ый вѣкъ далъ свое имя», ибо «она была направлена противъ господствующей религіи, вѣчнаго источни-

ка поэзіи у всѣхъ народовъ», если онъ называлъ Гельвеція «холоднымъ и сухимъ», а его метафизику «пошлой и бесплодной» — то въ этомъ сказанъ несомнѣнно уже опытъ юныхъ лѣтъ — опытъ столкновенія въ его душѣ рационализма съ религіознымъ переживаніемъ поэтическаго вдохновенія.

Наконецъ, столь же существенна и та глубокая, потаенная общая духовная умудренность, которая поражала Жуковскаго въ юношѣ-Пушкинѣ и о которой онъ самъ говоритъ еще въ 1817 году, какъ объ «умѣ высокомъ», который «можно скрыть безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ». Наличіе этого глубокаго слоя духовной жизни особенно явствуется изъ отношенія юнаго Пушкина къ «мудрецу» Платону, который «во глубину души вникая строгимъ взоромъ, ... оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ» и, по признанію самого Пушкина, въ ту пору, быть можетъ, «спасъ» его чувства. По всей вѣроятности, Чаадаевъ уже тогда вліялъ на Пушкина въ религіозномъ направленіи или, во всякомъ случаѣ, пробудилъ въ немъ строй мыслей болѣе глубокой, чѣмъ ходячее умонастроеніе французскаго просвѣтительства. Не надо также забывать, что этотъ строй мыслей и чувствъ питался въ Пушкинѣ навсегда запавшими ему въ душу впечатлѣніями первыхъ дѣтскихъ лѣтъ, опьяненныхъ духовной мудростью русскаго народа, простодушной вѣрой Арины Родионовны.

Спеціально проблемѣ религіозной вѣры посвящено въ ту юношескую эпоху стихотвореніе «Безвѣріе», написанное для выпускнаго лицейскаго экзамена (1817). Его принято считать простымъ стилистическимъ упражненіемъ съ дидактическимъ содержаніемъ и потому непоказательнымъ для духовной жизни Пушкина той эпохи. Это сужденіе кажется намъ неосновательнымъ

въ силу высказаннаго уже всеобщаго убѣжденія въ правдивости поэтическаго творчества Пушкина: невозможно допустить чтобы Пушкинъ писалъ по заказу на чуждую ему тему и просто лгалъ въ поэтической формѣ. Стихотвореніе — художественно, правда, относительно слабое и потому и исключенное самимъ Пушкинымъ изъ собранія сочиненій — описываетъ трагическую безнадежность сердца, неспособнаго къ религіозной вѣрѣ и призываетъ не укорять, а пожалѣть несчастнаго невѣрующаго. Въ этомъ стихотвореніи по крайней мѣрѣ одна фраза бросаетъ свѣтъ на духовное состояніе Пушкина: «умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ». Чрезвычайно интересно, что это сужденіе, — впрочемъ, съ существеннымъ измѣненіемъ логическаго ударенія, — повторяется Пушкинымъ въ 1821 г. въ его кишпневскомъ дневникѣ. Отмѣчая свое свиданіе съ Пестелемъ, «умнымъ человекомъ во всемъ смыслѣ этого слова», Пушкинъ записываетъ поразившую его и, очевидно, соответствующую его собственному настроенію мысль Пестеля: *mon coeur est materialiste, mais ma raison s'y refuse* (по другому варианту текста, эта фраза принадлежитъ даже самому Пушкину).

Намъ представляется очевиднымъ парадоксальный фактъ: Пушкинъ преодолѣлъ свое безвѣріе (которое было въ эти годы скорѣе настроеніемъ, чѣмъ убѣжденіемъ) первоначально на чисто интеллектуальномъ пути: онъ усмотрѣлъ глупость, умственную поверхность обычнаго «просвѣтительнаго» отрицанія. Въ рукописяхъ Пушкина 1827-28 г. находится слѣдующая записка: «Не допускать существованія Бога — значитъ быть еще болѣе глупымъ, чѣмъ тѣ народы, которые думаютъ, что міръ покоится на носорогѣ» (*). Въ одномъ

*) Цит. Б. Модзалевскимъ, Письма Пушкина, т. I 1926, прим. стр. 314.

изъ раннихъ стихотвореній мысль о небытіи послѣ смерти, «ничтожествѣ» есть для Пушкина «призракъ пустой, сердцу непонятный мракъ», о которомъ говорится: «ты чуждо *мысли* человѣка, тебя сграшитъ гордый *умъ*».

Но самое интересное свидѣтельство отношенія молодого Пушкина къ безвѣрію содержится, конечно, въ извѣстномъ его письмѣ изъ Одессы отъ 1824 г. Для состоянія нашего пушкиновѣдѣнія характерно, что это письмо, сыгравшее, какъ извѣстно, роковую роль въ жизни Пушкина (онъ былъ за него исключенъ со службы и сосланъ изъ Одессы въ Михайловское подъ надзоръ полиціи) изслѣдовано со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ одной, самой существенной: никто, кажется, не потрудился задуматься надъ его подлиннымъ смысломъ, какъ свидѣтельствомъ состоянія религіозной мысли Пушкина. Вотъ соответствующія строки его: «Читая Шекспира и Библію, святой Духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь знать, что я дѣлаю — пишу пестрыя строфы романтической поэмы — и беру уроки чистаго аѳеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный аѳей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ 1000, чтобы доказать, *qu'il ne peut exister d'être intelligent créateur et régulateur* — мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего правдоподобная».

Это письмо (отъ котораго Пушкинъ самъ позднѣе отрекался, называя его «глупымъ») обыкновенно разсматривается просто, какъ признаніе Пушкина въ его атеизмѣ. Это, конечно, справедливо (для момента написанія письма), однако, все же, съ очень существенными оговорками. Изъ самого письма слѣдуетъ, прежде всего, что Пушкинъ

«береть урокъ чистаго аѳеизма» *впервые* въ Одессѣ въ 1824 году — значить, что это міровоззрѣніе серьезно заинтересовало его впервые только тогда и что, слѣдовательно, Пушкина до того времени никакъ нельзя считать убѣжденнымъ атеистомъ. Далѣе: указаніе, что англичанинъ, глухой философъ» (Гетчинсонъ) кажется ему *первымъ* умнымъ атеистомъ, съ которымъ ему довелось встрѣтиться и который на него произвелъ впечатлѣніе, есть автентичное подтвержденіе нашего мнѣнія о низкой интеллектуальной оцѣнкѣ Пушкинымъ обычнаго типа безвѣрія.

Еще важнѣе, что въ то самое время, какъ онъ беретъ уроки чистаго атеизма, онъ читаетъ Библию; и хотя онъ «предпочитаетъ Гете и Шекспира», все же «Святой Духъ» ему «иногда по сердцу». Очевидно, что «сердце» Пушкина въ это время двойтся (какъ и его мысли). Несмотря на уроки атеизма, на него производитъ впечатлѣніе Священное Писаніе — по крайней мѣрѣ, съ его поэтической стороны (позднѣе онъ, какъ извѣстно, усердно читалъ Библию и житія святыхъ — его позднѣйшій отзывъ объ Евангеліи см. ниже). И, наконецъ, быть можетъ, интереснѣе всего заключительныя слова письма: «система» атеизма признается «не столь утѣшительной», какъ *обыкновенно* думаютъ, но, *къ несчастью*, наиболѣе правдоподобной». Ясно, что отношеніе «сердца» и «ума» Пушкина къ религіозной проблемѣ радикально измѣнилось: теперь его умъ готовъ признать правильнымъ аргументъ «аѳея», но сердце ощущаетъ весь трагизмъ безвѣрія — вопреки обычному для его поколѣнія жизненопиманію, которое способно находить атеизмъ «утѣшительнымъ».

Къ эпохѣ молодости Пушкина, т. е. къ первой половинѣ 20-хъ годовъ относятся такіе — увы, доселѣ недостаточно извѣстные и оцѣненные — перлы религіозной поэзіи, какъ отрывокъ «Ве-

черня отошла давно» (1821), стихотвореніе «Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный» (мысль о неземномъ мірѣ, «гдѣ чистый пламень пожираетъ несовершенство бытія») (1822), отрывокъ «На тихихъ берегахъ Москвы» (1872) (религіозное описаніе монастыря) и «Надгробная надпись кн. Голицыну» (1823) — четверостишіе, предваряющее основной мотивъ «Ангела» Лермонтова. Мы уже не говоримъ о такихъ общеизвѣстныхъ религіозныхъ произведеніяхъ этой же эпохи, какъ «Подражанія Корану», стихотворныя переложенія изъ «Пѣсни пѣсней» или описаніе кельи Маріи въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ». Эти религіозные мотивы — въ эту эпоху все же скорѣе мимолетныя — находятъ свое завершеніе въ классическихъ твореніяхъ религіозно-поэтическаго вдохновенія: въ образахъ Пимена и патріарха въ «Борисѣ Годуновѣ» — и въ особенности въ «Пророкѣ» — безспорно величайшемъ твореніи русской религіозной лирики, которое, по авторитетному свидѣтельству Мицкевича, выросло у Пушкина изъ основного его жизнепониманія — изъ вѣры въ свое собственное религіозное призваніе, какъ поэта.

Съ конца 20-хъ годовъ до конца жизни въ Пушкинѣ непрерывно идетъ созрѣваніе и углубленіе духовной умудренности и вмѣстѣ съ этимъ процессомъ — наростаніе глубокаго религіознаго сознанія. Объ этомъ одинаково свидѣтельствуютъ и поэтическія его творенія и прозаическія работы, и автобіографическія записи; поистинѣ, нужна исключительная слѣпота или тенденціозность многихъ современныхъ пушкиновѣдовъ, чтобы отрицать этотъ совершенно безспорный фактъ къ тому же засвидѣтельствованный едва ли не всѣми современниками Пушкина. Изъ поэтическихъ твореній на религіозныя темы достаточно здѣсь просто отмѣтить такіе стихи, какъ «Ангель» («Въ дверяхъ эдема...») (1827), «Эпитафія

сыну декабриста С. Волконскаго» (1827), «Воспоминаніе» (1828), «Монастырь на Казбекѣ» (1829), «Еще одной великой важной пѣсни» (1829), «Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ» (1829), «Стансы митр. Филарету» (1830), «Мадонна» (1830), «Заклинаніе» (1830), «Для береговъ отчизны дальней» (1830), «Юдифь» (1832), «Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ» (1833), «Странникъ (изъ Буньяка)» (1834), «Когда великое свершилось торжество» (1836), «Молитвы (отцы-пустынники)» (1836). Къ концу жизни поэта этотъ процессъ духовнаго созрѣванія выродился въ глубокомъ христіански-религіозномъ настроеніи поэта, о которомъ мы уже упоминали и которое лучше всего жизненно засвидѣтельствовано потрясающимъ по своему величію послѣднимъ просвѣтлѣніемъ на смертномъ одрѣ. Такъ какъ проза Пушкина, къ сожалѣнію, и доселѣ мало извѣстна широкому кругу русскихъ читателей, приведемъ здѣсь слѣдующія строки (изъ отзыва о книгѣ Сильвіо Пеллики (1836): «Есть книга, коей кажется слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей нельзя повторить ни единого выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое не было бы уже *пословицей народовъ*; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго, но книга сія называется Евангеліемъ — и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе». Быть можетъ, послѣдняя автобіографическая записка Пушкина (на листѣ, на которомъ написано стихотвореніе «Пора мой другъ, пора...») гласитъ: «Скоро ли перенесу я мои пенаты въ деревню — поля, садъ, крестьяне, книги;

труды поэтич. — семья, любовь etc... — *религія, смерть*» (ср. приведенное выше свидѣтельство Плетнева о «высокорелигіозномъ настроеніи» Пушкина за нѣсколько дней до смерти).

Какъ ни существенно это обращеніе Пушкина-человѣка къ религіозной вѣрѣ, еще важнѣе для уясненія его духовнаго облика религіозные мотивы его *поэзіи*. Религіозность поэтического жизнеощущенія, конечно, никогда не можетъ вмѣститься въ рамки опредѣленнаго *догматическаго* содержанія — въ особенности же въ отношеніи Пушкина, который всегда и во всемъ многосторонень. Всякая попытка приписать Пушкину-поэту однозначно опредѣленное религіозное или философское міросозерцаніе заранѣе обречена на неудачу, будучи по существу неадекватной своему предмету. Если Константинъ Леонтьевъ не безъ основанія упрекалъ Достоевскаго въ томъ, что онъ въ своей извѣстной рѣчи превратилъ «чувственнаго, языческаго, героическаго» Пушкина въ смиреннаго христіанина, то не нужно забывать, что и обратная характеристика Леонтьева, по меньшей мѣрѣ, такъ же односторонняя. (Образцомъ невыносимой искусственности является попытка Гершензона конструировать систему религіозно-философскаго міросозерцанія Пушкина въ статьѣ «Мудрость Пушкина»). Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что о религіозности поэзіи Пушкина вообще нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Напротивъ, ее можно довольно точно зафиксировать — но не иначе, какъ въ рядѣ отдѣльныхъ, проникающихъ ее, мотивовъ, которые въ своей — несводимой къ логическому единству — совокупности даютъ намъ представленія о религіозномъ «міросозерцаніи» Пушкина.

О первомъ и основномъ мотивѣ этой религіозности поэта уже было сказано выше: это есть религіозное воспріятіе самой поэзіи и сущности

поэтического вдохновенія. Нѣтъ надобности здѣсь снова объ этомъ распространяться: это бросается въ глаза само собой. Для Пушкина поэтическое вдохновеніе было, какъ уже указано, подлиннымъ религіознымъ откровеніемъ: вдохновеніе опредѣлено тѣмъ, что «божественный глаголь» касается «слуха чуднаго» поэта. Именно поэтому «служенье музъ не терпитъ суеты: прекрасное должно быть величаво». Только изъ этого сознанія абсолютнаго религіознаго смысла поэзіи (поэта, какъ «служителя алтаря») можетъ быть удовлетворительно понято и объяснено общеизвѣстный страстный и постоянный протестъ Пушкина противъ тенденціи утилитарно-моральнаго использованія поэзіи. Если поэзія сама уже есть «молитва» («мы рождены... для звуковъ сладкихъ и молитвъ»), то ея самодовлѣющее верховное, неприкосновенное ни для какихъ земныхъ нуждъ значеніе понятно само собой! Поэтъ, подобно пророку, знаетъ лишь одну цѣль: исполнившись волей Божіей, «глаголомъ жечь сердца людей».

Съ религіознымъ воспріятіемъ поэзіи связано религіозное воспріятіе красоты вообще — ближайшимъ образомъ, красоты *природы*. Религіозно ощущается Пушкинымъ «свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ» и «шумъ морской» — «немолчный шепотъ Нереды, глубокой, вѣчный хоръ валовъ, хвалебный гимнъ отцу міровъ». Но и разрушительная стихія наводненія есть для него «божія стихія», такъ же, какъ мистическое, «неизъяснимое наслажденіе — «безсмертья можетъ быть залогъ» внушаетъ ему все страшное въ природѣ, «все, что гибелью грозитъ» и бездна мрачная, и разъяренный океанъ, и аравійскій ураганъ, и чума. Но уже изъ этого ясно, что ощущеніе божественности природы *не есть* для Пушкина *пантеизмъ*. Напротивъ, не разъ подчеркиваетъ онъ, что красота природы «равнодушна», «безчувственна» къ то-

скѣ человеческого сердца; въ «Мѣдномъ Всадникѣ» это равнодушіе природы, которое багрянницей утренней зари уже прикрываетъ вчерашнее зло наводненія, сознательно связываются съ «безчувствіемъ холоднымъ» человеческой толпы. Красота и величіе природы есть слѣдъ и выраженіе божественнаго начала, но сердце человѣка ею не можетъ удовлетвориться — оно стремится къ иной, высшей, болѣе человѣчной красотѣ; и потому, хотя «прекрасно море въ бурной мглѣ и небо въ блескахъ безъ лазури», но «дѣва на скалѣ прекраснѣй волнъ, небесъ и бури».

Этимъ уже указанъ второй эстетическій источникъ религіознаго жизнеощущенія — эротизмъ, чувство божественности любви и женской красоты. И здѣсь надо повторить: разъ навсегда надо научиться не принимать слова Пушкина за условно-банальный стиль эротической лирики, который онъ самъ высмѣивалъ, — а брать ихъ въ серьезъ; когда Пушкинъ говоритъ о Божествѣ и божественномъ, это всегда имѣетъ у него глубокій, продуманный и прочувствованный смыслъ. Такъ надо воспринимать, напр., извѣстное признаніе къ Кернъ. Когда онъ воспринимаетъ женщину, какъ «генія чистой красоты», то вмѣстѣ съ «вдохновеніемъ, жизнью, слезами и любовью» для его «упоеннаго» сердца просыпается и «Божество». Очевидно глубокій религіозный смыслъ содержится въ гимнѣ совершенной женской красоты: «Все въ ней гармонія, все диво, все *выше міра и страстей*». Чистота этого религіозно-эстетическаго чувства совершенно сознательно подчеркивается поэтомъ: «куда бы ты не поспѣшалъ, хоть на любовное свиданье..., но встрѣтись съ ней, смущенный, ты вдругъ остановишься невольнo, *благоговѣя богомольно передъ святыней красоты*».

Но особенно интересно, что и въ области эротической эстетики Пушкинъ не остается замкну-

тымъ въ предѣлахъ зѣмной дѣйствительности, а, напротивъ, именно на этомъ пути, говоря словами Достоевскаго «соприкасается мірамъ инымъ». У него есть цѣлый рядъ стихотвореній, въ которомъ мысль о любимой женщинѣ связывается съ мыслью о загробной жизни. Таково религіозное столь дерзновенное и человѣчески столь трогательное ожиданіе обѣщаннаго «поцѣлуя свиданія» умершей возлюбленной за гробомъ. Таково «заклинаніе» къ къ «возлюбленной тѣни» явиться вновь, чтобы снова выслушать признаніе въ любви. И когда безсонной ночью воспоминаніе развиваетъ передъ нимъ свой «длинный свитокъ» и въ немъ горятъ «змѣи сердечной угрызенья», двѣ тѣни любимыхъ женщинъ являются передъ нимъ, какъ два ангела «съ пламеннымъ мечемъ», «и оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ о тайнахъ вѣчности и гроба». Свое завершеніе эта эротическая религіозность находитъ въ извѣстной пѣснѣ о «бѣдномъ рыцарѣ», посвятившемъ свое сердце пресвятой Дѣвѣ — пѣснѣ, какъ извѣстно, вдохновлявшей Достоевскаго и духовно родственной основной религіозной интуиціи Софіи у Вл. Соловьева.

Однако, областью эротической и эстетической въ широкомъ смыслѣ религіозности отнюдь не исчерпывается самобытная религіозная интуиція Пушкина-поэта. Наряду съ ней у Пушкина есть еще иной источникъ спонтаннаго и совершенно оригинальнаго религіознаго воспріятія. Этотъ мотивъ, доселѣ, насколько мнѣ извѣстно, никѣмъ не отмѣченный (какъ и многое другое въ духовномъ мірѣ Пушкина) состоитъ въ религіозномъ воспріятіи духовной сосредоточенности и уединенія; оно связано съ культомъ «домашняго очага» и потому символизируется Пушкинымъ въ античномъ понятіи «пенатовъ». Всѣмъ извѣстно стихотвореніе «Мигъ вожделѣнный насталь», въ которомъ поэтъ выражаетъ свою «непонятную грусть»

при окончаніи многолѣтняго труда, «друга пенатовъ святыхъ». Упомянутое пенатовъ здѣсь неслучайно: какъ почти всегда у Пушкина, это есть обнаруженіе общаго мотива, проходящаго черезъ все его творчество. Впервые поминаются «пенаты», какъ хранители «сѣни уединенія», незримые слушатели стиховъ поэта въ стихотвореніи «Разлука» (Кюхельбекеру 1817); отчетливо этотъ мотивъ выраженъ въ юношескомъ стихотвореніи «Домовому» (1819): «Помѣстья мирнаго незримый покровитель, тебя молю, мой добрый домовой, храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой и скромную семью моей обитель!» Онъ молить домового, любить «зеленый скать холмовъ», луга, «прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ», мотивируя это общимъ указаніемъ: «они знакомы вдохновенью». Въ альбомъ Сленину онъ пишетъ: «вхожу въ него прямымъ поэтомъ, какъ въ дружескій, пріятный домъ, почтивъ хозяина привѣтомъ и *ларь-молитвеннымъ стихомъ*». Этотъ мотивъ въ своемъ глубочайшемъ религіозномъ напряженіи сполна раскрывается въ стихотвореніи: «Еще одной высокой важной пѣсню», которое самъ Пушкинъ называетъ «гимномъ пенатамъ», «таинственнымъ силамъ»; въ долгомъ изгнаніи, удаленный «отъ вашихъ жертвъ и тихихъ возліаній», поэтъ не переставалъ любить пенатовъ.

Такъ, я любилъ васъ долго! Васъ зову
Въ свидѣтели, съ какимъ святымъ волненіемъ
Оставилъ я людское стадо наше,
Чтобы стеречь вашъ огонь уединенный,
Бесѣдая одинъ съ самимъ собой.
Часы неизъяснимыхъ наслажденій!
Они даютъ намъ знать сердечну глубь,
Въ могущество и въ немощахъ
Они любить, лелѣять научаютъ
Не смертныя, таинственныя чувства.
И насъ они наукѣ первой учатъ

*Чтитъ самого себя. О нѣтъ, вовѣкъ
Не переставаль молить благоговѣйно
Васъ, божества домашнія...*

Лелѣянiе «несмертныхъ, таинственныхъ чувствъ» связано у поэта, такимъ образомъ, съ внутренней сосредоточенностью, съ самоуваженiемъ; оно требуетъ отрѣшенности отъ «людскаго стада», возможной лишь въ мирномъ уединенiи домашняго очага. Весь этотъ духовный комплекс сливается въ культъ символическихъ «домашнихъ божествъ». Въ личной жизни Пушкина воплощенiемъ «алтаря пенатовъ» были два мѣста — Михайловское и Царское Село. (Ср. «Вновь я посѣтилъ..» и «Воспомянiе въ Царскомъ Селѣ»). Въ послѣднемъ стихотворенiи античный мотивъ пенатовъ обогащается евангельскимъ мотивомъ «блуднаго сына»: поэтъ, возвратившись послѣ скитанiй — внѣшнихъ и внутреннихъ — къ родному мѣсту, въ которомъ впервые зародилась его духовная жизнь, ощущаетъ себя блуднымъ сыномъ, возвращающимся въ отчiй домъ. «Такъ отрокъ Библии, безумный расточитель, до капли истощивъ раскаянья фiаль, увидѣвъ, наконецъ, родимую обитель, главой поникъ и зарыдалъ». «Родная обитель» иногда воспринимается прямо, какъ «родина», «отечество»: «намъ цѣлый мiръ — пустыня, отечество намъ — Царское Село». Эта внутренняя связь между «родной обителью» и «родиной» — основанная на единомъ чувствѣ укорененности личной духовной жизни въ почвѣ, изъ которой она произросла, ея связь съ ближайшей родственной средой, которой она питается, — выражена у Пушкина въ отрывкѣ «Два чувства» въ цѣлой религиознаѣ философи:

*Два чувства дивно близки намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:*

Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.
На нихъ основано отъ вѣка
По волѣ Бога самого
Самостоянье человѣка
Залогъ величія его.
Животворящая святыня!
Земля была безъ нихъ мертва,
Безъ нихъ нашъ тѣсный міръ — пустыня,
Душа — алтарь безъ божества.

Замѣчательна та философская точность и строгость, съ которой здѣсь изображена связь духовнаго индивидуализма съ духовной соборностью: «любовь къ родному пепелищу» органически связана съ любовью къ родовому прошлому, къ «отеческимъ гробамъ», и ихъ единство есть фундаментъ и живой источникъ питанія для личной независимости человѣка, для его «самостоянія», какъ единственнаго «залога его величія» (здѣсь предвосхищенъ мотивъ Н. Федорова!) Единство этого индивидуально-соборнаго существа духовной жизни пронизана религіознымъ началомъ: связь соборнаго начала съ индивидуальной, личной духовной жизнью основана «по волѣ Бога самого» и есть для души «животворящая святыня». Само постиженіе и воспріятіе этой связи опредѣлено религіознымъ сознаниемъ, тѣмъ, что Достоевскій называлъ «касаніемъ мірамъ инымъ» и что самъ Пушкинъ обозначаетъ (ср. предыдущее стихотвореніе), какъ «не смертныя, таинственныя чувства» — чувствамъ, что наша душа должна быть «алтаремъ божества». Въ этомъ многогранномъ и все же цѣльномъ религіозномъ сознаниіи выражается своеобразный *религіозный гуманизмъ* Пушкина. И не случайно одна изъ послѣднихъ личныхъ мыслей Пушкина была мысль о перенесеніи «пенатовъ» въ деревню, въ связи съ мечтой о послѣднемъ

уединеніи, религіи и смерти (ср. приведенную выше запись).

Размѣры статьи не позволяютъ намъ подробнѣе прослѣдить еще одинъ мотивъ самобытной религіозности Пушкина — именно связь *нравственнаго* сознанія и нравственнаго очищенія души (чрезвычайно богатой темы пушкинскаго творчества) съ сознаніемъ религіознымъ. Это есть мотивъ, связанный съ однимъ изъ центральныхъ мотивовъ духовной жизни Пушкина вообще — съ мотивомъ духовнаго *преображенія* личности. Укажемъ лишь, что Пушкинъ на основаніи внутренняго опыта приходитъ прежде всего къ своеобразному *аскетизму*: онъ хочетъ «жить, чтобы *мыслить и страдать*», онъ требуетъ отъ себя, чтобы его душа была «*чиста, печальна и покойна*». Но этотъ аскетизмъ, по крайней мѣрѣ на высшей своей ступени (у Пушкина можно прослѣдить цѣлый рядъ его ступеней и формъ) не содержитъ въ себѣ ничего мрачнаго и ожесточеннаго: онъ означаетъ, напротивъ, *просвѣтленіе* души, побѣду надъ мятежными страстями высшихъ духовныхъ силъ благоговѣнія, любви и благоволенія къ людямъ и міру. Таково, напр. описанное въ рядѣ стихотвореній просвѣтленіе, и умиротвореніе эротической любви, ея преображеніе въ чистое умиленіе и безкорыстную любовь. Таково развитіе нравственнаго сознанія въ узкомъ смыслѣ слова отъ тяжкихъ, какъ бы безысходныхъ угрызений совѣсти къ тихой сокрушенности и свѣтлой печали. (Ср. напр., «тяжкія думы», «въ умѣ, подавленномъ тоской», въ «Воспоминаніи» съ «*сладкой тоской*» тихаго покаянія въ «Воспоминаніи въ Царскомъ Селѣ»). Религіозный характеръ этого мотива духовной жизни очевиденъ и тамъ, гдѣ онъ не выступалъ отчетливо словами. Прослѣживая точнѣе этотъ духовный путь поэта, можно было бы усмотрѣть, какъ Пушкинъ, исходя изъ изложенныхъ отпра-

ныхъ пунктовъ своей самобытной религіозности, достигаетъ основныхъ мотивовъ христіанской вѣры — *смиренія* и *любви*. Языческій, мятежный, чувственный и героическій Пушкинъ (какъ его опредѣляетъ К. Леонтьевъ) вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается намъ, какъ одинъ изъ глубочайшихъ геніевъ русскаго христіанскаго духа.

С. Франкъ .